

© Т. В. ГАВРИЛЮК

Тюменский государственный нефтегазовый университет
tv_gavrilyuk@mail.ru

УДК 316.35

**ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ: ПРАКТИКИ И СТИЛИ «ФОЛК-ВОЗРОЖДЕНИЯ»***

**HYBRID FORMS IN THE SPACE OF RUSSIAN CULTURE:
PRACTICES AND STYLES OF «FOLK REVIVAL»**

В статье анализируется фолк-движение как новая гибридная форма молодежной солидарности. Уточняются понятия «фолк», «неофолк», «народная культура», «фолк-движение», «молодежное движение» и описывается их взаимосвязь, исследуются свойства славянского фолк-движения как сетевой структуры как с учетом глобальных тенденций, так и в контексте социокультурного пространства современной России. В статье раскрывается противоречивость исследуемого феномена, с одной стороны, демонстрирующего консервативный поворот российской культуры, с другой стороны — обладающего постмодернистскими чертами, анализируются формы гибридизации этих свойств, осмысливаются темпоральные модусы, структурирующие смыслы в сознании представителей данного сообщества. Подчеркиваются скрытые риски популяризации данного феномена в форме молодежного движения. В работе аргументируется необходимость и целесообразность дальнейшего проведения качественных эмпирических исследований данной проблемы этнографическими методами.

The article aims to study the folk movement as a new hybrid form of youth solidarity. The discrepant features of the Slavic folk movement are analyzed. The concepts of folk, neofolk, folk culture, folk movement, youth movement are explicated. Both peculiarities of modern Russian sociocultural space and global tendencies were taken into consideration. It is revealed that modern Slavic folk culture as part of city space is constituted of different kinds of subcultural groups. The study emphasizes the controversy of its subject area, which seems to equally display a turn towards conservatism in the present-day Russia on the one hand and postmodern features on the other. The hybridization of the main features of the movement is analyzed, and the temporal modes structuring meanings in its representatives' minds are outlined. The author emphasizes the hidden risks of the popularization of this phenomenon. Yet, it is stressed that the discourse of those hybrid forms should not be limited to a theoretical level, but needs to be supported by empirical data received with the use of ethnographic research methods.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социология культуры, фолк, фолк-возрождение, молодежные движения, субкультуры, постмодернизм, антимодернизм.

KEY WORDS. Sociology of culture, folk, folk revival, youth movements, subcultures, postmodernism, anti-modernism.

Глобальные культурные индустрии неуклонно расширяют пространство стилового выбора, предоставляя людям множество доступных досуговых возможностей и способов экспериментирования с идентичностями. Вместе с тем распад некогда существовавшей упорядоченной системы ценностей и ориентиров, которую называли «ядром культуры», усложняет и диверсифицирует процесс поиска личностной жизненной траектории, что приводит к возникновению новых гибридных культурных форм и типов солидарностей, наиболее отчетливо проявляющихся в молодежной среде. Одной из значимых черт информационной эры является хаотичное поглощение художественных стилей предшествующих эпох, смысловое перекодирование традиционных культурных элементов, их включение в не свойственные им изначально дискурсы и практики. С одной стороны, этот процесс дает индивидам невиданные ранее возможности дифференциации жизненных стилей, с другой — провоцирует ностальгию по устойчивым культурным паттернам прошлого, стремление перенести четко структурированную систему идеалов и поведенческих образцов в реалии современного города. Эта тенденция проявляется в контексте как массовой, так и альтернативной культуры.

В последние годы наблюдается всплеск интереса к народной культуре, появляются различные субкультурные группы, использующие этнические элементы в музыке, костюме, символике, ритуалах, игровых практиках. На наш взгляд, подобного рода сообщества имеет смысл именовать интегративным понятием «фолк-культура» — движение, объединяющее субкультуры поклонников фолк-музыки, занимающихся реконструкцией этнических культурных форм.

Целью данной статьи является постановка проблемы исследования феномена славянского фолк-движения, интерес к которому обусловлен как его массовостью и растущей популярностью в молодежной среде, так и рисками, связанными с его политизацией, пропагандой идей этнического и национального превосходства, конфессиональной нетерпимости. Ввиду очевидно ретроспективной смысловой направленности исследуемого феномена, интерес представляет выделение его характерных черт, отсылающих к культурной логике пост- и антимодерна; анализ форм гибридизации этих свойств, многие из которых на первый взгляд кажутся противоречивыми в рамках бинарных оппозиций модернистской интеллектуальной традиции; осмысление темпоральных модусов, структурирующих смыслы в сознании представителей данного сообщества.

Прежде всего, следует эксплицировать понятийно-категориальное поле исследования и представить его теоретико-методологические основания. Базовое для нас понятие «молодежное движение» часто используют в контексте политических целей и интересов больших социальных групп молодежи, борющихся за изменение существующей социальной реальности. Мы полагаем, что для выделения подобного рода образований в качестве объектов исследования политические коннотации не всегда являются первичными ввиду существенного разнообразия гражданских позиций включенных в них людей.

Конгломерат смежных субкультур трансформируется в движение, когда наблюдается общность визуальной, музыкальной и художественной стилистики, форм и способов проведения досуга, в свою очередь формирующих общее смысловое семиотическое поле и единое информационное пространство. Фолк-движение является «воображаемым сообществом» (термин Б. Андерсона), состоящим из множества солидарных групп с подвижными границами, изменчивым членством, фрагментированной идентичностью и различными мировоззренческими ориентирами ее представителей. Как и большинство современных субкультурных проявлений, данный феномен требует концептуализации в терминах непрерывного становления в качестве сетевой структуры, образованной связями индивидов, объектов и идей.

Методологическим основанием исследования является акторно-сетевая теория Б. Латура и Дж. Ло, социология мобильностей Дж. Урри, а также ряд идей теоретиков постструктурализма и постмодернизма. Эмпирическая база исследования представлена полевой этнографией невключенного наблюдения на различных мероприятиях фолк-тематики в г. Тюмень, а также качественным анализом информации тематических сообществ в социальных сетях. Поддерживая позицию Х. Бельтинга, отметим, что ввиду схожести визуальных практик постмодернистской сцены и домодернистской образности этнографические методы являются оптимальными для их эмпирического исследования. Принципиальным для такого рода этнографии является воздержание от эстетических суждений, предполагающих разделение культурных форм в терминах бинарных оппозиций «высокого-низкого», «прекрасного-безобразного» и т. д. В данной статье изложены результаты первичного этапа наблюдения «взглядом чужака», не предполагающего активного участия в наблюдаемых практиках.

Отдельные аспекты, связанные с существованием и функционированием включенных в данное движение субкультур (например, ролевиков, реконструкторов) были проанализированы в отечественной социологии, в частности, в работах Б. В. Куприянова, А. Е. Подобина [3], Д. В. Орлова [6], Д. Б. Писаревской [7]. Социальное значение фолк-музыки мало изучено в России. Если за рубежом данной проблематике посвящено множество исследований, среди которых можно выделить работы таких авторов, как Р. Денисофф [12], Е. Кошкофф, С. Кьюсэк [15], Дж. Эдженс [13], Е. С. Чимириис [10] и др., с 1955 года существует международная исследовательская ассоциация «Society for Ethnomusicology» и издается журнал «Ethnomusicology» (<http://www.ethnomusicology.org/>), посвященный анализу функционирования фолк-музыки в социокультурном контексте, то в отечественной социологии эта тема практически не представлена. Особо следует отметить усилившийся в 1990-2010-е гг. интерес зарубежных авторов к изучению взаимосвязи фолк-музыки и пропаганды нацизма [16, 17, 18].

Наиболее часто в повседневности слово «folk» используют применительно к музыкальному стилю, включающему в звуковой ряд элементы народных песен (от популярной музыки до тяжелого металла), и этническому стилю в одежде, воспроизводящему черты национального костюма. Достаточно часто встречаются в данной связи смежные понятия, например, «неофолк» («neofolk»), в широком значении тождественное современной фолк-музыке в целом, в узком — представляющее собой экспериментальный подстиль, сочетающий элементы

этнической музыки, индастриала и аллюзий на классику. Принципиально разделение понятий «фолк-культура» и «народная культура»: первая является частью современного городского культурного ландшафта, имеет эклектичный характер, она экспериментальна, динамично развивается в информационном обществе; вторая — аутентичный источник ее «вдохновения», этническая культура традиционного общества, почти полностью утраченная на сегодняшний день ввиду исчезновения форм социальных связей, необходимых для ее поддержания и трансляции. Следовательно, «фолк-культура» — это знаковая система второго порядка, надстраиваемая над собственно этнической субкультурой. Игнорируя исходные функции присвоенных символов и артефактов, она переносит их в иной социокультурный контекст и наделяет новым значением. Поэтому фолк-культуру во всех ее разновидностях нельзя интерпретировать как часть народной культуры, эти феномены принципиально отличны друг от друга — и генетически, и функционально. Современная русская (или, шире, славянская) фолк-культура представляет собой знаковую систему, у которой отсутствует референт. Следовательно, мы имеем дело не с возрождением исконно русских бытовых практик, ритуалов и художественных форм, а с их имитацией и попыткой реконструирования. Этот вывод применим и к ценностно-нормативной основе фолк-движения, имеющей псевдоконсервативный характер. Консерватизм его представителей является симулякром ввиду разрыва традиции как этнических славянских субкультур, так и имперской национальной культуры в период существования СССР.

Каковы же механизмы перекодирования элементов народной культуры в современных российских реалиях? Данный процесс следует рассматривать на трех уровнях. Во-первых, он является запоздалой реакцией на «фолк-возрождение», имеющее место в западной массовой культуре и искусстве и выражающееся во всплеске интереса к этнике в XX в. Особенно ярко этот процесс отразился в музыке [11, 14]. В социетальных категориях данное явление можно считать частью «ретроспективной глобализации» культуры (термин Б. М. Бернштейна) — вовлечения в мир искусства артефактов и практик изначально ему чуждых, например, архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или в субкультурных нишах, где они получают новые функции и интерпретируются в системе его понятий и ценностей [2, с. 280]. Фолк-культура заимствует и реконструирует не только элементы традиционных культур своего этноса, но, конечно, и любые другие понравившиеся или вошедшие в моду проявления архаики. Во-вторых, фолк-движение поддерживается целенаправленным воздействием государства через СМИ и другие социальные институты. Влияние может быть как косвенным, так и прямым: законодательная защита прав этнических меньшинств, пропаганда «традиционных ценностей» как основы культурной политики и «русскости» как идентификационного стержня, опора на национальные архетипы и символы в конструировании имиджа политических деятелей, включение видимых маркеров этничности в массовую культуру, финансовая и информационная поддержка этнофестивалей, ярмарок и подобных форм «карнавальной культуры». И, наконец, решающим фактором является самоорганизация субкультурного пространства, формирующая «фолк-движение», что наиболее отчетливо проявляется в молодежной среде. Все три процесса неразрывно связаны. Так, государственная

политика с ее выраженным акцентом на продвижение в широкие слои населения симулякров народной культуры способствует популяризации фолка в самых разнообразных его формах, приданию ему статуса интегрирующей силы. В свою очередь, люди, объединенные сходными интересами, произвольно интерпретируют усвоенные ценности и идеи, вписывая их в собственную повседневность и наделяя прежде закрытые культурные сегменты новым смыслом, который со временем замещает как аутентичные, так и заданные идеологией значения. Глобальная же мода окончательно легитимирует и питает новыми идеями подобного рода сообщества.

Фолк-культура гибридным образом сочетает в себе элементы до-модернистской, анти- и постмодернистской риторики: декларируемая ее носителями оппозиционность глобальному масскульту и акцентирование «локальности» сочетается со встроенностью в общемировые тренды, стремление к реставрации консервативного сознания — с повсеместной виртуализацией, тяга к аутентичности и естественности — с масштабным производством симулякров. Для того, чтобы понять противоречивую природу исследуемого феномена, рассмотрим подробнее его основные характеристики.

1. *Стремление к идентичности, «оправданной Абсолютом»* (выражение М. Эпштейна [8]) и *тоска по метанарративу*. Контркультурный взрыв, нигилизм и тотальная деконструкция авторитетов уже в прошлом, «общество потребления» в столице уже наскучило, а во многих провинциальных городах России еще не наступило. Вечные вопросы, смыслы, ценности вновь массово волнуют молодежь. В частности, в рамках фолк-культуры одним из центральных становится дискурс «русской идеи», на сегодняшний день существующий в мифологической (неоязыческой), православно-имперской и ультраправой форме.

2. *Ориентация на лидера*. Фолк-культуру нельзя назвать тяготеющей к индивидуализации, скорее наоборот — солидарность становится искомым состоянием. Для ее представителей характерен поиск «героя», способного быть эталоном действия, что является характерной чертой мифологизированного сознания. Герой может быть различным — от славянского языческого божества до неонацистского идеолога.

3. *Оппозиция «транскультурному слою»* (термин М. Эпштейна [8]). Транскультурный слой — понятие многозначное, включающее в себя как продвинутых интеллектуалов-космополитов, свободно экспериментирующих с собственной идентичностью, так и людей, с аналогичной целью готовых к деконструкции своих природных данных и предписанных статусов, таких как раса, нация, пол. Подобное мировоззрение и образ жизни прямо противоположны логике представителей фолк-движения, сознательно замыкающих идентичность в границы этнической культуры.

4. *Стремление к гегемонии в противовес идеям толерантности и мультикультурализма*. В русле борьбы с глобализирующим влиянием Запада фолк-движение настаивает на приоритете национального, понимаемого как этнически-славянское. Это дает почву быстрому распространению ксенофобии и национализма в среде субкультур, в него включенных.

Несмотря на указанные эскапистские ретро-тенденции, в фолк-культуре присутствуют и многие характерные свойства постмодернистских культурных практик:

1. *Самореферентность*. Как уже было сказано, фолк-культура не является частью народной культуры, как не является и ее «возрождением».

2. *Игра*. Фолк критичен по отношению к современному мироустройству, но в нем нет ни упадничества, ни контркультурности. Большинство присутствующих в нем практик носят игровой характер, открытый же протест выражается лишь тогда, когда переходит в политическое поле.

3. *Коммерциализация*. Несмотря на декларируемое стремление к солидарности на почве общей этнической принадлежности, представители сообщества активно используют маркетинговые возможности индивидуализированного рынка — изготовление костюмов на заказ, продвижение музыки через независимые лейблы, заказ атрибутики через Интернет и т. д.

4. *Виртуализация*. Информационные технологии (Интернет-сайты, страницы в социальных сетях, игры и т. д.) являются цементирующей силой фолк-движения.

5. *Театральность и китч*. Дионисийская эстетика фолка, будоражащая мелодика, разгульные пляски, народные костюмы, выполненные зачастую в современной китчевой или фрик-эстетике, позволяют считать это движение не просто игровым сообществом, но одной из форм «балаганной культуры».

6. *Трансгрессия*. Стремление выйти за пределы наличного опыта повседневной жизни и господствующей культуры проявляется в замедлении темпоральности городского образа жизни, реконструкции оккультных и религиозных ритуалов, интересе к пограничным состояниям (война, наркопрактики и др.), карнавализации, что сближает фолк-движение с эстетикой хиппи.

Фолк-культура предлагает своим представителям различные модусы вовлеченности: от фрагментарного опыта посещения этнофестивалей до формирования мировоззрения и стиля жизни. Являясь интегрирующим признаком движения, этнореконструкция наиболее доступна наблюдению во внешней атрибутике и игровых практиках, однако ментальные и ценностные характеристики этого движения заслуживают, на наш взгляд, гораздо более пристального внимания. Фолк как художественная стилистика и эстетический опыт, переживаемый в рамках локально формирующихся сообществ, тесно связан с трансформацией представлений об отношениях природы и человека (ностальгия по «естественности», являющаяся характерной чертой городской культуры), гендера и сексуальности (стремление к «натуральной красоте», пусть и являющейся следствием неимоверных усилий по стилизации; игровое воссоздание патриархального гендерного порядка), религиозности (неоязыческая или христианская символика и ритуалы отсылают к вопросу о специфике религиозных верований), политических установок (тенденция к декларированию этнического превосходства славянских народов в рамках российской национальной культуры) и, конечно, эстетических ориентаций (сочетание элементов качественной этнореконструкции и откровенного китча дезориентирует «новичков», элементы низовой культуры прошлого эстетизируются и обретают статус искусства, сочетаются противоположные по форме, но близкие по «дионисийскому» духу стили музыки (народные плясовые мотивы и тяжелый металл).

Выявленные тенденции позволяют нам говорить о фолк-движении как о гибридной, децентрализованной, самореферентной и подвижной сетевой структуре.

Поиск устойчивой ценностной иерархии, стабильного лидерства, конструирование легитимирующего поведения мифологем в фолк-культуре не приводит к искомой стабилизации и равновесному порядку, порождая, напротив, эклектические сочетания различных культурных элементов. На наш взгляд, внутренние противоречия фолк-культурного проекта можно объяснить *рассогласованием темпоральных модусов* в рамках повседневного и субкультурного пространства. Романтизация прошлого, подтачивающая рационалистскую идеологию Нового времени в художественных практиках XIX в., сегодня становится одной из базовых составляющих культуры. Современные культурные индустрии позволили перенести увлечение архаикой из маргинальных художественных течений и специализированной интеллектуальной среды в сферу культуры массовой. Если следовать логике Б. Латура, для тех, кто сегодня стремится возродить прошлое, чтобы «устранить прогресс или вырождение» [4, с. 140], подобная смена ценностей осуществляется в рамках все той же модернистской модели линейного времени как направленной и необратимой «стрелы». Прошлое представляется как безвозвратно ушедший «золотой век», его невозможно вернуть, но необходимо воссоздать в памяти и реконструировать в отдельных элементах, чтобы избежать окончательного упадка и спасти рассыпающуюся на глазах иерархию ценностей и смыслов. Это линейная регрессивная модель социальной динамики, известная со времен Античности.

Возможность фолк-культуры как гибридного феномена обуславливается представлениями о нелинейном характере времени, имеющими статус научного факта в физике XX в., но по-прежнему находящимися за пределами постижимого для массового сознания и доминирующих социальных теорий [9, с. 154]. Как показывает Б. Латур, идеологи модерна, декларирующие радикальный разрыв с прошлым и его преодоление, считали историческое воссоздание и архаизацию возвращением вытесненного, однако в действительности данные феномены никогда не исчезали [4, с. 137]. Ссылаясь на работы ведущих современных антропологов, Латур показывает иллюзорность идеи устойчивой традиции: «Все незабываемые традиции сложились буквально на днях... Приверженцами традиции не рождаются, ими решают стать, постоянно изобретая для этого что-то новое. Идея тождественного повторения прошлого и идея радикального разрыва с любым прошлым — это два симметричных следствия одной и той же концепции времени» [4, с. 145]. В реальности же мы всегда осуществляем отбор элементов разных эпох, модифицируя их в квазиобъекты и составляя из них различные конфигурации, и этот непрерывный процесс порождает временной поток, а вовсе не является его следствием.

Следовательно, противоречивость фолк-культуры как интеллектуально постигаемого феномена формируется и разрешается лишь в субъективном понимании и интерпретации вовлеченных в нее людей, и зависит это от модуса восприятия. Всерьез откликнувшись на субкультурный призыв к реставрации культурных форм прошлого, представители движения попадают в категорию «антинововременных» в классификации Латура. Дистанцируясь и протестуя против культуры мейнстрима, они остаются заложниками ее бинарных культурных кодов и линейной темпоральности. Серьезная попытка реконструкции «традиционных», «изначальных», «исконных» идей, смыслов, ценностей и образов заканчивается лишь эскапистской иллюзией.

Большинство же представителей движения осознают игровую природу этнореконструкции, рассматривая фолк как одну из форм стилевых игровых практик, следуя постмодернистской логике, они легко смешивают различные эпохи, стили, ценности и поведенческие паттерны, оставаясь полностью вписанными в культурную логику позднекапиталистических социальных отношений. Анализируя тенденции художественного постмодернизма в России, Н. Б. Маньковская выделяет ряд основных векторов его развития [5, с. 254-262], в рамках которого фолк-культурные эстетические и социальные практики можно считать разновидностью «транссентиментализма», чьи иронические формы тяготеют к трансформации в новые утопические модели ушедшей «золотой эры» естественности, встроенности в природный порядок, простоты, «духовности», искренности, нового гуманизма, солидарности, при этом не отрицая собственного коллажного, цитатного, вторичного характера. На практике это означает ретроностальгию, симуляцию аутентичности, «экологичность» как бренд для продвижения товаров в рамках множества активно расширяющихся рыночных ниш, поверхностное усвоение и хаотичное комбинирование стилистических, мифологических и ритуальных элементов народных культур, временный характер солидаризации на основании общности эстетического опыта или политических установок. Согласимся с Б. Латуром и постмодернистами: реальность сегодня формируется совокупным действием «квазиидей» и «квазиобъектов», которые овеществляются и легитимируются, обретая способность к самостоятельному действию, влияющему на сознание и поведение людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства / Х. Бельтинг. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Бернштейн Б. М. Три стрелы глобализации искусства / Б. М. Бернштейн // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М. С. Кагана: материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество 2001. № 12. С. 278-281.
3. Куприянов Б. В. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России / Б. В. Куприянов, А. Е. Подобин. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 104 с.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур; пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
5. Маньковская Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс / Н. Б. Маньковская. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2009.
6. Орлов Д. В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. В. Орлов. Саратов, 2009.
7. Писаревская Д. Б. Феномен субкультуры ролевых игр в современном обществе: дис. ... канд. ист. наук / Д. Б. Писаревская. М., 2009.
8. Савчук В., Эпштейн М. Светлой памяти постмодерна посвящается... / В. Савчук, М. Эпштейн // Художественный журнал. №64. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/epshtein-savchuk/>

9. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
10. Чимирис Е. С. Нео-фолк versus рок. Культурные и институциональные основания политической нестабильности в Сербии / Е. С. Чимирис // *Полития*. 2008. № 4 (51). С. 86-94.
11. Cohen R. D. *Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940-1970* / R. D. Cohen. Amherst: University of Massachusetts Press, 2002.
12. Denisoff R. S. *Great Day Coming: Folk Music and the American Left* / R. S. Denisoff. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
13. Egenes J. The remix culture: How the folk process works in the 21st century // *Prism*. No 7(3). URL: http://www.prismjournal.org/fileadmin/Social_media/Egenes.pdf
14. Eyerman R. From the 30s to the 60s: The folk Music Revival in the United States / R. Eyerman, S. Barretta // *Theory and Society*. 1996. No 25. Pp. 501-43.
15. Koskoff E. *A feminist ethnomusicology: writings on music and gender* / E. Koskoff, S. Cusick. Urbana : University of Illinois Press, 2014.
16. Potter P. *Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the end of Hitler's Reich* / P. Potter. New Haven: Yale University Press, 1998.
17. Shekhovtsov A. Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and "metapolitical" fascism / A. Shekhovtsov // *Patterns of Prejudice*. 2009. Volume 43. No 5 (December). Pp. 431-457. URL: http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton_Shekhovtsov-Apoliteic_Music-Russian.html
18. Sweers B. The power to influence minds: German folk music during the Nazi era and after / B. Sweers; A. J. Randall (ed.) // *Music, Power, and Politics*. New York: Routledge. 2005. Pp. 65-86.

REFERENCES

1. Belting H. *Образ и кул'т. Историја образа до епохи искуства* [Likeness and Presence: A History of the Image before the Era of Art]. Moscow: Progress-Tradicija [Progress-Tradition]. 2002. (In Russian)
2. Bernstejn B. M. *Tri strely globalizacii iskusstva* [The Three Arrows of Art Globalization]. *Metodologija gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka* [The Perspectives of Humanities Methodology: 21st Century. For the 80th Anniversary of Prof. M. S. Kagan: The Proceedings of the International Scholarly Conference]. 2001. No 12. Pp. 278-281. (In Russian)
3. Kuprijanov B. V., Podobin A. E. *Očerki obshhestvennoj pedagogiki: Rolevoe dvizhenie v Rossii* [Essays on Social Pedagogy: The Role-Play Movement in Russia]. Kostroma: KGU [Kostroma State University Named after N. A. Nekrasov]. 2003. 104 p. (In Russian)
4. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii* [Modern Age Never Came. Essays on Symmetrical Anthropology] / D. Ja. Kalugin (trans.), O. V. Harhordin (ed.). St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge [European University at St. Petersburg Publishing House]. 2006. (In Russian)
5. Man'kovskaya N. B. *Fenomen postmodernizma. Hudozhestvenno-esteticheskij rakurs* [The Phenomenon of Postmodernism: the Artistic and Aesthetical Aspect]. Moscow — St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ. Universitetskaja kniga [Center for Humanitarian Initiatives: humanitarian book], 2009. (In Russian)

6. Orlov D.V. Subkul'tura rolevikov v sovremennom rossijskom obshhestve [The Role-Play Subculture in Modern Russian Society]. Thesis Synopsis. Saratov, 2009. (In Russian)
7. Pisarevskaja D. B. Fenomen subkul'tury rolevykh igr v sovremennom obshhestve [The Phenomenon of the Role-Play Subculture in Modern Society]. Thesis Synopsis. Moscow, 2009. (In Russian)
8. Epshtejn M., Savchuk V. Svetloj pamjati postmoderna posvjashhaetsja... [In Loving Memory of Postmodernism...]. Hudozhestvennyj zhurnal [Art Magazine] No 64. <http://xz.gif.ru/numbers/64/epshtein-savchuk/> (In Russian)
9. Urri Dzh. Sociologija za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija [Sociology Beyond Societies: Types of Mobility in the 21st Century] Moscow: NSU-HSE, 2012. (In Russian)
10. Chimiris E. S. Neo-folk versus rok. Kul'turnye i institucional'nye osnovanija politicheskoj nestabil'nosti v Serbii [Neo-folk Versus Rock: Cultural and Institutional Reasons for the Political Instability in Serbia] // Politia. No 4 (51), Pp. 86-94. (In Russian)
11. Cohen R. D. Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940-1970. Amherst: University of Massachusetts Press, 2002.
12. Denisoff R. S. Great Day Coming: Folk Music and the American Left. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
13. Egenes J. The Remix Culture: How the Folk Process Works in the 21st Century / PRISM 7. No 3. http://www.prismjournal.org/fileadmin/Social__media/Egenes.pdf
14. Eyerman R., Barretta S. From the 30s to the 60s: The Folk Music Revival in the United States / Theory and Society. 1996. No 25. Pp. 43-501.
15. Koskoff E., Cusick S. A Feminist Ethnomusicology: Writings on Music and Gender. Urbana: University of Illinois Press, 2014.
16. Potter P. Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich. New Haven: Yale University Press, 1998.
17. Shekhovtsov A. Apoliteic Music: Neo-Folk, Martial Industrial and "Metapolitical Fascism" // Patterns of Prejudice. 2009. No 43.5. Pp. 431-457. http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton__Shekhovtsov-Apoliteic__Music-Russian.html.
18. Sweers B. The Power to Influence Minds: German Folk Music during the Nazi Era and after / A. J. Randall (ed.). Music, Power, and Politics. 2005. Pp. 65-86.

Автор публикации

Гаврилюк Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета

Author of the publication

Tatiana V. Gavriilyuk — Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor at the Department of Sociology, Tyumen State Oil and Gas University